

DOI:10.31860/0131-6095-2020-2-240-242

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»***

20 ноября 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в рамках исследовательского проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)» Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований прошел коллективный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации».

Семинар был открыт вступительным словом Л. Д. Бугаевой, после которого В. Ю. Вьюгин (Санкт-Петербург) прочитал доклад «„Культурный ресайклинг“: к истории понятия». Исследователь остановился на первом этапе становления термина, проследив его историю с 1960-х до конца 1990-х годов. По его словам, именно в это время благодаря усилиям как академического, так и «артистического» сообщества возникли основные интерпретационные матрицы и сформировалась противоречивая аксиология понятия. Вьюгин особенно выделил оформившееся в середине 1970-х годов и используемое до сих пор понимание термина «культурный ресайклинг», согласно которому «оборот» ценностей в рамках конкретной культуры разделяется на три фазы: вначале некоторая «ценность», материальная или символическая, существует в центре общественного внимания, затем она вытесняется на периферию, обретая статус «культурного мусора», а через некоторое время, претерпевая различного рода трансформации, вновь входит в разряд востребованных. В ходе выступления докладчик предложил вариант эмблемы «культурного ресайклинга», несколько модифицировав известный логотип Гэри Андерсона (Gary Anderson), созданный в 1970 году: три широкие стрелки, свернутые наподобие ленты Мебиуса и формирующие треугольник, он дополнил изображением лиры Аполлона, помещенной между стрелками в самом центре изображения. С. Г. Маслинская задала докладчику вопрос о том, только ли элиты являются агентами ресайклинга, перерабатывая материал из другой культурной системы, — например, романтики включили фольклор в литературный репертуар. Вьюгин привел примеры кейсовых исследований о ресайклинге и показал, что агентами могут являться разные группы людей.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 (Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы).

Л. Д. Бугаева (Санкт-Петербург) в своем докладе «Советское прошлое на постсоветском экране» обратилась к теме ресайклинга в современных российских сериалах, действие которых происходит в советском прошлом. По ее мнению, аутентичные репрезентации исторической реальности на экране, обилие предметов советского времени расшатывают границу между фактуальным и фикциональным и являются средством манипуляции памятью и эмоциональными реакциями зрителя. Так, репрезентации советской жизни в сериалах могут создавать воспоминания у тех, кто не имеет советского опыта. Докладчица предложила, что в рассматриваемом ею контексте обращение к прошлому — не всегда ностальгия, в ряде случаев — это взгляд в будущее или конструирование будущего через прошлое. Зритель, вовлеченный в игру «make-believe», начинает верить, что не только представленные на экране события имели место в действительности, но и что источник информации об этих событиях — достоверный. Отвечая на уточняющие вопросы, Бугаева показала, что механизм конструирования будущего заключается в демонстрации исторических персон как людей, способных любить и страдать. Такой взгляд на историю и политику, по мнению докладчицы, формирует у зрителей стратегию восприятия публичной фигуры как такого же человека, а связанных с этой фигурой драматических событий как обычных человеческих поступков.

В докладе «„Старые песни о главном“: альтернативная антология советской эстрады» Д. А. Журкова (Москва) проанализировала изменение музыкальных параметров и смысловых кодов советской эстрады в процессе их ре-интерпретации в телепроекте «Старые песни о главном» (ОРТ, 1995–2000). Исследовательница отметила, что выбор шлягеров советской эстрады для «переработки» происходил по принципу преобладания в них лирического начала; пласт песен, связанных с мобилизационной, официально-пропагандистской риторикой был полностью изъят, и к третьему выпуску программы советская эстрада звучала максимально не по-советски. По мнению Журковой, поп-исполнителям не хватало глубины и насыщенности тембра для выражения эмоционального содержания песен. Однако встречались и удачные примеры ре-интерпретации, когда подобранный репертуар не только органично ложился на имидж исполнителя, но и откликнулся мироощущению девяностых (например, хиты ВИА и песни о судьбе полукриминальных отщепенцев). Во время обсуж-

дения Л. А. Купец задала вопрос о потребности телепроекта. Докладчица заметила, что первые три выпуска «Старый песен о главном» имели высокие рейтинги просмотров и были рассчитаны на просмотр всей семьей. В связи с этим Купец предположила, что музыка и телепроект могли выполнять функцию консолидации общества.

С. Г. Маслинская (Санкт-Петербург) в докладе «Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе» рассмотрела, как авторы современной детской литературы представляют читателям нормализованное знание о советском прошлом, в частности о пионерской организации. По словам исследователя, пионерская символика и идеалы интерпретируются авторами как идеологически непротиворечивые и лишённые коллективных травматических коннотаций. Сюжетные и жанровые особенности ресайклинга пионерской идиоматики, символики и практик определены степенью «видимости» культурных форм в современной культуре. Пионерская идиоматика практически не встречается на страницах современной детской литературы, в то время как материальные объекты пионерского прошлого — галстук и лагерь, — «следы» которых «видимы» по сей день, имеют более широкий эстетический потенциал и эксплуатируются в историко-бытовых повестях, триллерах и детективах.

В докладе «Ресайклинг советского педагогического опыта в современном патриотическом воспитании: случай одного отряда» Ю. А. Секушина (Санкт-Петербург) на примере двух школьных патриотических отрядов продемонстрировала, как начиная с 2000-х патриотическое воспитание вновь стало перерабатывать советский педагогический опыт. По ее словам, элементами советского прошлого в отрядах являются строевая подготовка, смотры строя и песни, милитаризованные ритуалы коммеморации и т. д. Кроме того, отрядная система ценностей перерабатывает советскую педагогическую риторiku построения коллектива и работы над собой, резонирующую с риторикой коммунаров. Исследовательница уделила внимание и агентам переработки советского прошлого, объяснив, что инициаторами и носителями идей ресайклинга выступают создатели проектов патриотического воспитания — учителя и военные.

А. В. Кокорин (Санкт-Петербург) открыл дневную сессию докладом «Как изучать ресайклинг в области школьного литературного образования?». Докладчик обратился к проблеме культурного ресайклинга, связанного с национальным литературным каноном, а также историей и методологией преподавания литературы в советской и российской средней школе. В круг собранных автором источников вошли методические тексты, посвященные вопросам преподавания литературы в школе; пособия о творчестве писателей или художественных произведениях и пособия для поступающих в вузы; научные работы, в которых рассматри-

ваются проблема литературного канона и история преподавания литературы в советской школе; учебные пособия и нормативные документы двух эпох — 1917–1991 годов и настоящего времени, вплоть до будущего 2021 года. Отдельно в докладе были сопоставлены и проанализированы содержания Кодификаторов ЕГЭ по литературе за 2007–2020 годы.

В докладе «Русская Википедия vs. Большая Российская энциклопедия: (ре)конструирование советской музыки в постсоветском интернет-пространстве» Л. А. Купец (Петрозаводск; Санкт-Петербург) зафиксировала ряд дискуссионных вопросов о феномене «советская музыка» в современной музыкальной науке. По словам исследовательницы, в «Википедии» советская музыка признается отдельным историко-культурным феноменом, тогда как в «БРЭ» ее существование игнорируется. Докладчица продемонстрировала ряд закономерностей, выявленных в статьях о композиторах советского периода: активное использование нарративов советского времени; акцентирование маргинальных ранее сфер этого периода («авангардная музыка», «репрессированная музыка»), подмена эпитета «советский» на «русский» либо «российский»; отрицание понятия «советская музыка» по отношению к композиторам так называемого «первого ряда» — Д. Шостакович и С. Прокофьев. Обсуждая доклад, участники семинара пришли к выводу о том, что наравне с актуализацией и ресайклингом советского в современном обществе присутствует тенденция оценочного восприятия «советского» как плохого, что подчас, как ни парадоксально, приводит к игнорированию факта существования СССР (ситуация риторически представляется так, как будто СССР никогда не было) и соответственно к ресайклингу дореволюционного имперского прошлого.

Н. В. Семенова (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «„Оптимистическая трагедия“: адаптация и рецепция» анализу постановки пьесы Вс. Вишневского в Александринском театре (2017, реж. В. Рыжаков, драматург А. Волошина). По словам докладчицы, спектакль помещается в контекст предшествующих постановок А. Таирова и Г. Товстоногова и включает работу над текстом сценической версии: использование фрагментов первой редакции пьесы Вишневского, трансформация ремарок в диалоги персонажей, принцип коллажа и т. д. Докладчица отметила, что в спектакле возникает идея подвижности границ и оценок, отражая хаос революции. Автор резюмировала, что перед постановкой стояла задача примирить два типа аудитории — зритель советского и постсоветского поколений, однако ожидание зрителем канонической версии пьесы и текст Волошиной, близкий по духу экспериментальной драме Вишневского, вступили в конфликт, и установление традиции стало интерпретироваться как разрыв с ней.

В докладе «Ресайклинг советского в прозе Виктора Пелевина» М. Д. Андриановой (Санкт-Петербург) был представлен один из основных

механизмов ресайклинга советского в современной русской литературе — вторичная мифологизация уже мифологизированных советской официальной культурой исторических событий или персонажей. По мнению автора, ресайклинг советской литературы в постсоветской — это ре-ресайклинг, то есть вторичная переработка уже использованных советской культурой классических литературных произведений XIX века. В выступлении было выявлено перспективное направление исследования — ресайклинг «производственного» романа в современной литературе, так как производственный роман в современности начинает играть роль структурной первоосновы, на которой выстраиваются социально-психологический и философский романы, как в свое время греческий любовный роман на многие столетия определил структурную основу романа нового времени.

В заключении семинара прозвучал доклад Е. Ю. Андреевой (Санкт-Петербург) «Тимур Новиков и „Новые художники“. Ресайклинг советского быта», в котором выступающая рассмотрела одну из альтернатив советскому в российской культуре 1980-х годов.

Исследовательница сделала акцент на том, что ленинградская группа «Новые художники» (1982–1987/1991) избрала принципиально иную по отношению к соц-арту и московскому концептуализму стратегию обращения с советской культурной средой и бытом: в прямом и переносном смысле они осуществили акт экологического ресайклинга советской среды. Не будучи членами Союза художников и не имея поэтому возможности приобретать художественные материалы в официальных магазинах, «Новые» преобразили в материалы для творчества огромный массив отходов советского быта и дешевых бытовых предметов. Докладчица подытожила, что результат демонтажа советской среды и языка в творчестве «Новых художников» стал не демонстрацией советской энтропии, но победой над этой энтропией.

Обсуждение финального доклада Андреевой стало частью коллективного подведения итогов семинара, в ходе которого еще раз была проведена ревизия основных принципов концепции культурного ресайклинга.

© Ю. А. Секушина

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В мою статью «Неопубликованные переводы Д. С. Усова из Н. С. Гумилева в коллекции П. Н. Лукницкого», помещенную в № 4 журнала «Русская литература» за 2019 год, закрались досадные ошибки: на с. 141 в строке 15 снизу вместо «В. Грифена» следует чи-

тать «Ф. Вьеле-Грифена»; на с. 143 в сноске 15 вместо «Jon temple, Seigneur, est au ciel...» — «Ton temple, Seigneur, est au ciel...».

© В. В. Филичева